

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1360–1404.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 4 (2023): 1360–1404.

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-6>

EDN KCQVLK

Деятельность внутренних войск НКВД СССР по охране тыла и приему военнопленных вермахта в районе Сталинграда (1942–1943 гг.)

Александр Егорович Епифанов

Государственный университет управления,
Москва, Россия;

Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,

Москва, Россия,

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Aleksandr E. Epifanov

State University of Management,

Moscow, Russia;

Moscow University of Industry and Finance “Synergy”,

Moscow, Russia,

mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Аннотация. Деятельность внутренних войск НКВД по охране тыла действующей армии и организации лагерей для военнопленных противника в районе Сталинграда относится к числу важных, но малоизученных проблем истории Великой Отечественной войны. Сталинград и его окрестности стали местом не только ожесточенного сопротивления войск противника в окружении, но и одного из их крупнейших поражений. Последовавшие за этим разгромом пленение, прием и размещение гитлеровских военнопленных приобрели беспрецедентный по своим масштабам и содержанию характер, что повлекло необходимость решения внутренними войсками СССР новых важных задач.

В статье представлены результаты изучения опыта работы внутренних войск НКВД СССР с военнопленными вермахта, захваченными в ходе Сталинградской битвы: проанализированы процесс формирования сталинградских лагерей военнопленных, место и роль внутренних войск НКВД в приеме и обеспечении пленных; определены основные направления работы с пленными в условиях прифронтовой полосы; обобщены практики создания им надлежащих бытовых условий, организации их питания, медицинского обеспечения, этапирования и проч.

Автором показано, что советские органы военного управления, внутренних дел и командный состав внутренних войск прилагали все силы и использовали имевшиеся возможности для сохранения жизней и здоровья пленных противника. Издержки и недостатки в организации приема, транспортировки и размещения военнопленных, хотя и довольно распространенные, носили, как правило, частный характер и влекли за собой строжайшие меры воздействия.

© Епифанов А.Е., 2023

© Epifanov A., 2023

Руководство органов и войск НКВД не оставалось безучастным к нарушению правил приема и содержания военнопленных, настойчиво боролось за устранение недостатков, применяя соответствующие санкции к виновным, невзирая на их звания и ранги.

Выводы и обобщения настоящей статьи расширяют представления об отечественной истории периода Великой Отечественной войны, об организации и деятельности внутренних войск НКВД СССР в условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, внутренние войска НКВД СССР, Сталинград, военнопленные, лагеря

Для цитирования: Епифанов А.Е. Деятельность внутренних войск НКВД СССР по охране тыла и приему военнопленных вермахта в районе Сталинграда (1942–1943 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1360–1404, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-6>

The Activities of the Internal Troops of the NKVD of the USSR for the Protection of the Rear and the Reception of Prisoners of War of the Wehrmacht in the Stalingrad Area (1942–1943)

Abstract. The activities of the internal troops of the NKVD of the USSR for the protection of the rear of the active army and the organization of camps for enemy prisoners of war in the Stalingrad area are among the most significant and still little-studied problems in the history of the Great Patriotic War. Stalingrad and its environs were not only the place of fierce resistance of enemy troops when they were surrounded but also the place of one of their most large-scale and deciding defeats. The subsequent reception and accommodation of Hitler's prisoners of war became unprecedented in its scale and composition, which required solving new significant tasks by the internal troops of the NKVD of the USSR.

The purpose of this work is to summarize the experience of the NKVD internal troops in working with prisoners of war of the Wehrmacht captured during the Battle of Stalingrad. The author analyzed the process of forming the Stalingrad prisoner-of-war camps; determined the main lines of work with prisoners of war in the conditions of the front-line area; summarized the practices of creating proper living conditions for prisoners of war, organizing their nutrition, medical support, escorting them under guard, etc.

The author has shown that the Soviet military authorities, bodies of internal affairs, and commanding officers of internal troops made every effort and used every available opportunity to preserve the lives and health of enemy prisoners. Despite the fact that faults and shortcomings in organizing the reception, transportation, and accommodation of prisoners of war were quite common, as a rule, they were of a individual rather than general nature and led to the strictest responsibility.

The leadership of the NKVD bodies and troops did not remain indifferent to violations of the rules for the reception and detention of prisoners of war and persistently fought to eliminate the shortcomings, applying appropriate sanctions to those responsible regardless of their titles and military ranks.

The conclusions and generalizations made in this article expand the understanding of Russian history during the Great Patriotic War and of the organization and activities of the internal troops of the NKVD of the USSR in wartime conditions.

Keywords: Great Patriotic War, internal troops of the NKVD of the USSR, Stalingrad, prisoners of war, POW camps

For citation: Epifanov, A.E. “The Activities of the Internal Troops of the NKVD of the USSR for the Protection of the Rear and the Reception of Prisoners of War of the Wehrmacht in the Stalingrad Area (1942–1943).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1360–1404, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-6>

Введение

Обращение к указанной проблеме предопределили неординарные место и роль сталинградских лагерей военнопленных в деятельности внутренних войск НКВД в годы Великой Отечественной войны. В теоретическом отношении ее изучение дает возможность осмыслить накопленный опыт работы с огромными массами вражеских военнопленных в экстремальных условиях прифронтовой полосы в начале коренного перелома войны. В практическом – может способствовать выработке и внедрению предложений и рекомендаций по совершенствованию организации и деятельности современных специальных органов и войск в условиях внутренних и международных вооруженных конфликтов.

Несмотря на очевидную актуальность, данная проблема до настоящего времени, по нашему мнению, изучена недостаточно глубоко. В частности, предметом специального рассмотрения еще не становились такие ее важнейшие стороны, как количественные характеристики контингента захваченных в ходе Сталинградской битвы военнопленных; причины и предпосылки их высокой заболеваемости и смертности; организация и функционирование мест приема и содержания пленных; соблюдение норм международного права и обязательств, принятых руководством советского государства по этому поводу.

Судьбы гитлеровских военнопленных, захваченных в ходе Сталинградской битвы, достаточно подробно описаны как в отечественной, так и в зарубежной мемуарной и исторической литературе. В публикациях В. Адама, Ф. Заппа, Х. Шретера, Х. Дибольта, К. Фишера, Г. Хиеронуми, И. Пробста, Т. Пута и др., основанных прежде всего на воспоминаниях участников событий, содержится обширный фактический материал об обстоятельствах пленения рядовых и офицеров группировки Паулюса, их взаимоотношениях с советскими военнослужащими¹. С начала 1990-х гг. начали появляться статьи и монографии

¹ Адам В. Трудное решение: мемуары полковника 6-ой германской армии / перевод с немецкого Н.М. Гнединой, М.П. Соколова. Москва: Прогресс, 1967; Zapp Ф. Сталинградский пленник, 1943–1946 / перевод с немецкого Л. Шварц. Санкт-Петербург: Петербург-XXI век, 1998; Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942–1943 / перевод с немецкого А.С. Нечаева. Москва: Центрполиграф, 2008; Dibold H. Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft. Berlin: Wünsche, 2004; Fischer K.J. Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimkehrten. Willsbach: Scherer, 1948; Hieronymi G. Stacheldracht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung. Düsseldorf: Bärenfeld, 1955; Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Berlin (Ost): SWA-Verlag oJ (um), 1948; Probst J. Von Stalingrad nach Saratov.

о положении гитлеровских военнопленных в сталинградских лагерях, имеющие в своей основе по преимуществу архивные материалы. К этому блоку относятся работы А. Хильгера, С. Карнера, Е.М. Цунаевой, С.Г. Сидорова, В.П. Галицкого, В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых, М.М. Загорулько, А.Е. Епифанова и др.² В последние годы получили широкое распространение тематические сборники документов по истории сталинградского плена³. Ряд исследователей, в частности, Н.А. Варавин, Н.И. Крылов, А.Б. Федоров и др., посвятили свои работы проблемам участия внутренних войск НКВД СССР в Сталинградской битве⁴. Однако, как представляется, все они не дают достаточно полного

Hagen: Selbstverlag, 1983; *Puth T.* Hunger und Heimweh. Erlebnisse aus Soldatenzeit und Kriegsgefangenschaft. Daun: Selbstverlag, 1988.

² *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext, 2000; *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2002; *Цунаева Е.М.* Документы Волгоградских архивов о военнопленных в Сталинграде // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы: материалы научно-практической конференции (Волгоград, 20 ноября 2008 г.) / под редакцией Л.И. Будченко. Волгоград: Здоровье и экология, 2008. С. 95–103; *Сидоров С.Г.* Лагерь военнопленных на территории Сталинградской области в 1943–1954 гг. // Стрежень: Научный ежегодник / под редакцией М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2000. Вып. 1. С. 175–184; *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, 1996; *Кузьминых А.Л.* Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 77–80; *Загорулько М.М.* Военнопленные в Сталинграде. 1943–1945 гг.: к истории вопроса (Материалы к обсуждению). Волгоград: Издательство ВолГУ, 2003; *Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., Степанова М.М.* История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 144–150; *Епифанов А.Е.* История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград: Издательство ВА МВД РФ, 2007.

³ Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 гг. / составители М.М. Загорулько и др. Волгоград: Издатель, 2003; Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. Т. 24 (13–2). Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг. / составители В.Н. Вартаков и др. Кн. 1. Москва: Terra, 1999.

⁴ *Варавин Н.А.* Войска НКВД в Сталинградской битве // Ветеран МВД России. 2017. № 2. С. 37–39; *Крылов Н.И.* Сталинградский рубеж. Москва: Воениздат, 1979; *Федоров А.Б., Бредихин А.Л.* Вклад войск и органов НКВД СССР в оборону Сталинграда (к 80-летию разгрома немецких войск) // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 5–68.

представления об истории и положении военнопленных вермахта в Сталинградской области, содержат значительные пробелы, ошибки и неточности.

В ходе работы над темой автор опирался на опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) и Архива Информационного центра Главного управления МВД Волгоградской области. Особое внимание было сосредоточено на малоизученных и спорных моментах обозначенных проблем.

Выводы и обобщения, которые позволяет сделать настоящее исследование, расширяют представления об истории нашей страны периода Великой Отечественной войны, об организации и деятельности внутренних войск НКВД СССР в условиях военного времени.

Основная часть

Наряду с выполнением основных задач по охране тыла, в январе 1943 г. отдельные части и подразделения войск НКВД СССР по заданию Военных советов фронтов вели бои с противником, а также производили поиск и ликвидацию его мелких групп в тылу.

Данная оперативно-служебная деятельность войск НКВД СССР относилась к разряду боевой и наибольшее распространение в изучаемый период получила в районе Сталинграда. Так, за январь–февраль 1943 г., после ликвидации группировки Паулюса, в полосе Донского фронта было зафиксировано 38 случаев боевых столкновений служебных нарядов с военнослужащими противника, коллективно или в одиночку предпринимавшими попытки выйти из окружения и прорваться к Ростову. В результате подобных вооруженных стычек служебными нарядами 2-го и 98-го пограничных полков НКВД СССР было уничтожено 138 солдат и офицер противника, а 181 военнослужащий вермахта взят в плен. Двое пограничников при этом погибли⁵.

⁵ Обзор боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии за период январь–апрель 1943 г. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 328809. Оп. 5. Д. 479. Л. 101.

Советский кинооператор Абрам Казаков снимает на кинокамеру пленного генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса
Источник: Фотоблог №1005001: авторский блог Андрея Кирнова.
URL: <https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

Отметим еще ряд показательных примеров. Так, 30 января 1943 г. служебным нарядом 5-й заставы 98-го пограничного полка под командованием сержанта Д.П. Яковлева была замечена пробиравшаяся оврагом группа неизвестных, одетых в белые маскировочные халаты. На оклик наряда последовал ответ женщины о том, что они местные и идут домой. При приближении наряда со стороны неизвестных был открыт огонь из автоматов. В результате перестрелки три офицера противника были убиты, а один – захвачен в плен. Задержанная женщина-проводник призналась в намерении провести группу гитлеровских офицеров из Сталинграда в Ростов.

Другим служебным нарядом 98-го пограничного полка под командованием ефрейтора М.Т. Тишкова в балке Песчаная в землянке были обнаружены 6 германских офицеров. На предложение сдаться противник ответил огнем и отстреливался на протяжении часа. Тогда красноармеец наряда С.М. Горин подполз к землянке и бросил в нее гранату. В результате два вражеских офицера были убиты, четыре – сдались в плен⁶.

Многочисленные случаи попыток офицеров окруженной немецкой группировки просочиться сквозь промежутки в боевых порядках советских войск требовали подключения к специальным мероприятиям НКВД и частей Красной армии. Так, в приказе войскам 21-й армии «Об усилении бдительности

⁶ Обзор боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии за период январь–апрель 1943 г. // РГВА. Ф. 328809. Оп. 5. Д. 479. Л. 101.

в армейском и войсковом тылу» № 03 от 28 января 1943 г. сообщалось о том, что с целью выхода из окружения и диверсионно-подрывной работы в советском тылу, гитлеровцы переодевались в маскхалаты, красноармейское обмундирование и гражданскую одежду. Для предотвращения подобных фактов всему личному составу приказывалось усилить бдительность.

Информация из приказа подтверждалась боевой практикой. Так, 27 января 1943 г. в районе поселка Новый Рогачик армейский заградотряд задержал подполковника, майора и лейтенанта из состава окруженной группировки гитлеровцев. Все они были в красноармейской форме. А в районе расположения 762-го истребительно-противотанкового полка были задержаны два офицера вермахта в маскхалатах Красной армии. Они оказали вооруженное сопротивление, ранив одного из советских командиров⁷.

Немецкие военнопленные в Сталинграде

Источник: Попытки немцев прорваться из Сталинградского котла // Открытая история.

URL: <https://dzen.ru/a/Ws0kDK0PItotriAK>

Учитывая подобные факты, командующий 21-й армией под личную ответственность командиров тыловых частей и учреждений, армейского и войскового тыла, начальников гарнизонов, комендантов станций и населенных пунктов приказал навести надлежащий порядок в охране и обороне армейского и войскового тыла. Контроль над исполнением приказа был возложен на начальника штаба управления тыла армии. Начальникам гарнизонов и комендантам было приказано организовать патрулирование и проверку документов, прочесывание всех балок и землянок с целью выявления вражеских

⁷ Приказ войскам 21-й армии № 03 «Об усилении бдительности в армейском и войсковом тылу» от 28 января 1943 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 62. Оп. 355. Д. 1. Л. 175.

беглецов. Заградотрядам, дорожно-комендантской службе и всему комсоставу было предписано проверять документы у всех оказавшихся в расположении лиц, а подозрительных направлять в ближайшие комендатуры для установления личности⁸.

Необходимо отметить, что, несмотря на подписание Паулюсом акта о капитуляции своей армии, остаточные группы гитлеровцев на протяжении еще длительного времени продолжали оказывать сопротивление как на территории самого Сталинграда, так и в его окрестностях. Так, в ночь на 5 марта 1943 г. в районе Ворошиловского райкома ВКП(б) и КПП дислоцировавшейся в Сталинграде патрульной роты 228-го отдельного стрелкового батальона (ОСБ) войск НКВД на военнослужащих РККА напала группа немецких офицеров, в результате чего был ранен сержант. Разведывательным батальоном 64-й армии, расположенным в этом районе Сталинграда, были найдены и уничтожены 8 немецких офицеров, у которых обнаружили пистолеты и радиостанцию⁹.

Наряду с охраной фронтовых тылов, войска НКВД сыграли важнейшую роль в организации и деятельности лагерей военнопленных противника, захваченных в районе Сталинграда. 23 января 1943 г. по личному приказу Л.П. Берии 21-я стрелковая бригада внутренних войск НКВД взяла под охрану сборные пункты военнопленных в Заплавном, Панышино, Дубовке, Большенабатовском и Бабуркино. 27 января ее подразделениями были приняты также сборные пункты в Александровке, Городище и Гумраке. На следующий день к ним присоединились лагеря СталГРЭС, Лесобаза, Сакко и Ванцетти, а также Завод № 91. В феврале 1943 г. на попечении 21-й бригады оказались лагеря на заводе № 264 (Красноармейск), а также на Консервном заводе в Ворошиловском районе Сталинграда и на Сталинградском тракторном. Кроме того, в ведение бригады были переданы несколько госпиталей с больными и ранеными гитлеровцами¹⁰.

⁸ Приказ войскам 21-й армии № 03 «Об усилении бдительности в армейском и войсковом тылу» от 28 января 1943 г. // ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 355. Д. 1. Л. 175.

⁹ Донесение Командира 228-го Отдельного стрелкового батальона внутренних войск НКВД майора Пупышева командиру 21-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД СССР полковнику Зубрилову // РГВА. Ф. 38924. Оп. 1е. Д. 4. Л. 94.

¹⁰ Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. С. 47.

Колонна немецких военнопленных, конвоируемых в лагерь после Сталинградской битвы. Январь 1943 г.

Источник: Фотоблог №1005001: авторский блог Андрея Кирнова.

URL: <https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

Как следовало из донесения начальника оперативного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Донского фронта начальнику Главного управления внутренних войск НКВД СССР, по состоянию на 3 февраля 1943 г. в районе Сталинграда было сосредоточено до 89 тыс. пленного противника. Из них в южной части Сталинграда располагались 49 тыс. чел., в Панышино и Гумраке – по 10 тыс., в районе Сталинградского тракторного завода – 20 тыс.¹¹

Поскольку пункты для приема военнопленных еще не были оборудованы, в районе Панышино и Гумрака пленные в течение четырех суток находились без пищи и под открытым небом, в южной части Сталинграда – не обеспечивались водой. Их питание ни на одном из пунктов сосредоточения организовано не было.

¹¹ Донесение начальника оперативного отдела Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии полковника Ефремова начальнику Главного управления внутренних войск генерал-майору Шередеге от 4 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 479. Л. 25.

Солдаты Гитлера под Сталинградом, 1943 г.

Источник: *skaramanga_1972*. Сталинград. Часть 7. Бесславный финал. Плен (продолжение-2). О смертности сталинградских немцев // LiveJournal.

URL: <https://skaramanga-1972.livejournal.com/378698.html>

25 февраля 1943 г. начальник штаба 21-й бригады войск НКВД личной проверкой установил, что в лагерях содержится большое количество раненых и больных военнопленных, в том числе: в Гумраке – 900, Каменном буераке – 1000, Городище – 792, в Александровке – 274 чел. По заявлению начальника лагеря Гумрак, там совершенно отсутствовали продукты для пленных, что стало причиной значительного количества голодных смертей среди пленных¹².

По сообщению начальника оперативного отдела Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии, виной тому стала нераспорядительность заместителя начальника Управления по делам военнопленных (УПВИ) НКВД СССР Н.И. Смирнова и представителя названного наркомата С.М. Шустина, которые не только не оформили заявок фронту на продукты питания и предметы обихода, необходимые для обеспечения приемных пунктов военнопленных, но и вообще не сочли нужным

¹² Докладная записка начальника штаба бригады майора Щемелева начальнику Управления лагерей военнопленных (не датирована) // РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 6. Л. 243.

явиться к командованию войсками Донского фронта на предмет упорядочения их содержания¹³.

Ужасающее положение военнопленных складывалось и на пунктах их отправки в тыловые районы страны, которые также оказались совершенно не готовы к приему и вывозу этого контингента. Так, 16 февраля 1943 г. заместитель командира 35-й дивизии подполковник П.П. Безнос в своей телеграмме сообщил начальнику конвойных войск НКВД СССР о том, что на приемном пункте станции Воробьевка Юго-Западной железной дороги (район г. Калач Сталинградской области) вследствие холода в помещениях и отсутствия регулярного питания среди пленных увеличилось количество смертей. По словам полковника, там умирало до 20–30 % военнопленных, фиксировались отдельные случаи людоедства. Между тем, работники названного приемного пункта на эти явления практически не реагировали. По состоянию на 12 февраля 1943 г. на станции Воробьевка было сосредоточено 5 400 пленных, отправка которых задерживалась из-за отсутствия подвижного состава¹⁴.

¹³ Донесение начальника оперативного отдела Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии полковника Ефремова начальнику Главного управления внутренних войск генерал-майору Шередеге от 4 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 479. Л. 25.

¹⁴ Спецсообщение № 26 начальника конвойных войск НКВД СССР генерал-майора Кривенко заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР генерал-лейтенанту Апполонову (не датировано) // РГВА. Ф. 1/а-п. Оп. 9. Д. 24. Л. 22.

Командир РККА показывает кинооператору обувь пленного солдата вермахта
Источник: Фотоблог №1005001: авторский блог Андрея Кинова.
URL: <https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

Большие потери среди военнопленных имели место при их этапировании между приемными пунктами. Так, 28 февраля 1943 г. во время конвоирования военнопленных из лагеря № 108/14 на Тракторный завод погибли 26 чел. Причиной всех смертей было названо сильное истощение. Тела умерших в пути оставили без захоронения¹⁵.

¹⁵ Донесение командира батальона майора Пупышева командиру 21-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД полковнику Зубрилову (не датировано) // РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 13. Л. 76.

Пленные немцы 11-го армейского корпуса в Сталинграде, 2 февраля 1943 г.

Источник: Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). URL: <https://waralbum.ru/11419/>

Для объективности картины необходимо отметить, что случаи убийства военнопленных личным составом конвоя были не редки. По данным штаба 21-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД СССР, отраженным в приказе № 051 от 6 марта 1943 г., отдельные красноармейцы при выполнении задач по конвоированию военнопленных применяли оружие к отстающим от конвоя, не используя всех средств к их доставке к месту назначения¹⁶.

Названным приказом применение оружия к отстающим от колонн военнопленным было категорически запрещено. Открывать огонь на поражение разрешалось лишь при нападении на конвой и побегах конвоируемых. Для доставки военнопленных к месту назначения без потерь предписывалось формировать колонны в составе 600–800 чел., каждую из них должен был сопровождать автомобиль, предназначенный для транспортировки отстающих ослабевших и больных пленных. По маршрутам следования конвоев через каждые 30 километров в местах ночлега надлежало оборудовать пункты питания. Без соблюдения этих требований пленных для конвоирования принимать запрещалось¹⁷.

Несмотря на принимаемые меры, случаи самочинных расстрелов военнопленных при их конвоировании встречались еще довольно долго. Так,

¹⁶ Приказ по 21-й стрелковой бригаде внутренних войск НКВД СССР № 051 от 6 марта 1943 г. // РГВА. Ф. 38924. Оп. 1е. Д. 4. Л. 47.

¹⁷ Там же.

10 марта 1943 г. начальник штаба 21-й бригады потребовал от командира 230-го отдельного стрелкового батальона письменное объяснение по поводу того, что при конвоировании пленных на 64-й завод (Бекетовка) в нарушение приказа отдельные бойцы его части расстреливали военнопленных лишь потому, что те отставали¹⁸.

Несмотря на неудовлетворительное физическое состояние пленных, уже вскоре после их захвата на основании приказа командующего Приволжским военным округом они стали работать на расчистке Сталинграда и его окрестностей. Военнопленных некоторых категорий предписывалось использовать по их воинской специальности. Так, приказом по Управлению Сталинградских лагерей для военнопленных № 02 «О выделении военнопленных для особых работ» от 23 февраля 1943 г. начальникам лагерей требовалось выявить и отобрать специалистов инженерно-саперной службы, после чего передать их начальникам инженерных войск РККА для разминирования минных полей и ликвидации неразорвавшихся снарядов и авиабомб в Сталинграде и его окрестностях.

Для сбора и погребения погибших вражеских военнослужащих в Сталинграде и прилегающих к нему районах начальниками лагерей 91-го завода № 108/11 и Лесобазы № 108/12 было отобрано по тысяче здоровых, одетых по сезону и не имевших «ведущих профессий» военнопленных, которые группами по 500 чел. были переданы в распоряжение командующих 62-й, 64-й, 66-й армий и 7-го стрелкового корпуса¹⁹.

Особые меры потребовались по наведению порядка и дисциплины, а также в борьбе с нарушениями законности среди личного состава, осуществлявшего конвойную службу. Так, командир 21-й стрелковой бригады своим приказом № 029 от 2 февраля 1943 г. и неоднократными личными указаниями командирам частей потребовал принятия самых решительных мер к недопущению «барахольства» среди военнослужащих частей бригады в отношении военнопленных. Несмотря на указанные меры, подобные случаи продолжались. Например, командир взвода младший лейтенант Д.С. Рекунов и военфельдшер А.Л. Головин из 230-го отдельного стрелкового батальона, будучи пьяными, в ночь с 5 на 6 февраля 1943 г. самовольно произвели обыск пленных немецких офицеров в лагере поселка Сакко и Ванцетти и присвоили для личного пользования по две пары носков, а также по несколько штук

¹⁸ Указание начальника штаба бригады майора Щемелева командиру 230-го отдельного стрелкового батальона от 10 марта 1943 г. // РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 6. Л. 276.

¹⁹ Приказ по 21-й стрелковой бригаде внутренних войск НКВД СССР «О наложении дисциплинарного взыскания на командира взвода 230-го ОСБ младшего лейтенанта Рекунова, военфельдшера Головина и отстранении от должности командира роты Синюткина» № 045 от 18 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 1/а-п. Оп. 9. Д. 24. Л. 22.

носовых платков. Совместно с Рекуновым и Головиным в обыске принял участие старшина Бондаренко, который присвоил себе чулки и перчатки.

Названные военнослужащие приказом командира 21-й стрелковой бригады были подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Рекунова и Головина арестовали на 10 суток с удержанием половины денежного довольствия, а старшину Бондаренко (за присвоение вещей военнопленных) и начальника караула сержанта Могилева (за допуск в караульное помещение лиц, не имеющих права и разрешения производить обыск военнопленных) своей властью наказал командир батальона. Командир роты за недисциплинированность личного состава, попустительство в присвоении командным составом вещей военнопленных был отстранен от должности. Весь командно-начальствующий состав бригады был предупрежден, что впредь за барахольство и мародерство виновные лица будут предаваться суду военного трибунала²⁰.

Грабежи и мародерство являлись распространенным явлением и среди самих военнопленных. Как отмечалось в циркуляре начальника УПВИ НКВД СССР от 12 марта 1943 г., не только отдельные пленные, но зачастую и целые их группы совершали налеты, отбирая у более слабых пищу, хлеб, личные вещи. Вследствие того, что тела умерших военнопленных не убирались и не охранялись, отмечались факты их ограбления.

Для предотвращения подобных явлений УПВИ НКВД СССР предписало обеспечить в лагерях строгий порядок и дисциплину среди пленных путем усиления контроля и ужесточения наказаний. Замеченных в грабежах, воровстве и мародерстве надлежало привлекать к строгой дисциплинарной, а в необходимых случаях и к уголовной ответственности, не оставляя безнаказанным ни одно нарушение. Через старших по баракам (землянкам) все военнопленные были предупреждены о том, что за подобного рода нарушения виновные будут строго наказываться.

Согласно названному циркуляру, на территории каждого лагеря в удалении от остальных построек оборудовался морг, снабженный прочным запором и находившийся под наблюдением. Тела умерших военнопленных в обязательном порядке предписывалось незамедлительно убирать в морг по мере обнаружения. Трупы могли храниться в морге не более 24 часов, после

²⁰ Приказ по 21-й стрелковой бригаде внутренних войск НКВД СССР «О наложении дисциплинарного взыскания на командира взвода 230-го ОСБ младшего лейтенанта Рекунова, военфельдшера Головина и отстранении от должности командира роты Синюткина» № 045 от 18 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 1/а-п. Оп. 9. Д. 24. Л. 22.

чего их надлежало вывезти и захоронить, причем исключительно с наступлением темноты²¹.

На всем протяжении изучаемого периода большую проблему для сталинградских лагерей военнопленных представляли их побег. В связи с крайне тяжелым положением военнопленных и их высокой смертностью в лагерях получили распространение случаи нападения пленных на часовых с целью совершения побега. Так, при попытке побега из фронтового приемно-пересыльного пункта военнопленных Панышино были убиты до 200 человек²². Критическая ситуация с содержанием пленных усугублялась тем обстоятельством, что в связи с получением фронтами новых задач, часть их баз и складов из района Сталинграда передислоцировались на запад. Отсутствие надлежаще оформленных заявок на питание военнопленных было чревато для лагерей ухудшением и без того тяжелых условий.

Оказавшись в советских лагерях, гитлеровские военнопленные систематически проявляли враждебное отношение к охранявшим их военнослужащим войск НКВД. Например, 5 февраля 1943 г. при проведении обыска у военнопленных в лагере Дубовка красноармеец 227-го отдельного стрелкового батальона В.Г. Фоменко, проявив бдительность, обнаружил у одного из пленников пистолет с обоймой патронов. 8 февраля того же года красноармеец И.А. Павлов во время несения службы часовым по охране лагеря Панышино вынужден был заколоть штыком другого пленного офицера, который напал на него при совершении побега. Приказом командира 21-й стрелковой бригады за добросовестное отношение к службе и проявленную бдительность названным военнослужащим была объявлена благодарность²³.

4 марта 1943 г. около трех часов ночи часовым Я.К. Семеновым с внешней стороны лагеря Бекетовка (за проволокой) был обнаружен неизвестный, который после окрика часового лег на землю и затаился. Несмотря на предупредительный выстрел, неизвестный не поднялся и был убит. Убитым

²¹ Циркуляр начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-майора Петрова от 12 марта 1943 г. // Архив Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области (далее – Архив ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области). Ф. 6. Оп. 1. Д. 267. Л. 29.

²² Донесение начальника оперативного отдела Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии полковника Ефремова начальнику Главного управления внутренних войск генерал-майору Шередеге от 4 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 479. Л. 25.

²³ Приказ по 21-й стрелковой бригаде внутренних войск НКВД СССР № 38 «Об объявлении благодарности красноармейцам 227-го отдельного стрелкового батальона Фоменко В.Г. и Павлову И.А.» от 28 февраля 1943 г. // РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 189. Л. 26.

оказался совершивший побег военнопленный немец, ефрейтор Г. Янори. При нем были найдены нож, орден железного креста и немецкие деньги²⁴.

Для тех военнопленных, которые в результате пресечения их побегов оставались в живых, предусматривалось наказание в дисциплинарном порядке. Так, 12 апреля 1943 г. в 23 часа военнопленный лагеря № 108 Э. Шваб, имея карту и компас, преодолел проволочное ограждение и совершил побег. После того как на следующий день его поймали и водворили обратно в лагерь, приказом заместителя начальника Управления сталинградских лагерей военнопленных Н.И. Смирнова он за побег был подвергнут аресту на 10 суток со строгой изоляцией²⁵.

По имеющимся данным, побегам военнопленных во многих случаях способствовали халатность сотрудников администрации и личного состава лагерей, а также недобросовестное исполнение ими своих служебных обязанностей. Так, несмотря на требования командования 227-го полка конвойных войск НКВД СССР, многие командиры его подразделений самоустраились от их исполнения и не усилили охрану вверенного контингента. Как отмечалось в приказе № 017 от 11 мая 1943 г. по названному полку, они не обеспечили надлежащую проверку караулов, недостаточно конкретно инструктировали караульных²⁶. Так, командование 2-го батальона названного полка, охранявшего ФППЛ Дубовка, допустило беспечность и растерянность при организации поимки военнопленных, совершивших групповой побег, а также при получении оперативных данных о подготовке к нему.

В этой связи командование полка предписало вверенным командирам организовать взаимодействие всех видов охраны и лично его возглавить, осуществляя при этом необходимый контроль. Положительный опыт работы с военнопленными противника следовало ставить в пример всему личному составу, а бойцов и командиров, добившихся лучших результатов, представлять к поощрению. В целях совершенствования работы по охране и конвоированию военнопленных, командирам батальонов и рот, охранявших лагерь военнопленных, было предписано лично проводить соответствующий инструктаж нарядам и дневальным.

²⁴ Донесение командира батальона капитана Таужнинского командиру 21-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД от 4 марта 1943 г. // РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

²⁵ Приказ по Управлению сталинградских лагерей военнопленных № 108 «О наложении дисциплинарного взыскания на военнопленного Шваб Карла Эмильевича» № 39 (датировано апрелем 1943 г.) // Архив ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 104. Л. 36.

²⁶ Приказ по 227-му полку конвойных войск НКВД № 017 от 11 мая 1943 г. // РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 25.

Согласно этому же приказу, для противодействия побегам пленных были организованы оперативные группы, между которыми документально распределили территорию лагерей. Разводящим в караулах было предписано все время до смены часовых находиться на постах, либо чередоваться с помощниками при их наличии. Со всем начальствующим составом прорабатывались установленные правила применения служебных собак. Для своевременного пресечения побегов надлежало связываться с партийными и советскими организациями, милицией и райотделами НКВД.

В связи с дислокацией лагерей непосредственно в прифронтовой полосе, а также с непрерывными налетами вражеской авиации, командованием полка было предписано вырыть на их территории окопы, которые могли служить как для укрытия пленных, так и для удобного обстрела самолетов противника. Особые меры предпринимались на случай пожаров для сбережения личного состава, помещений и транспорта.

До 15 мая 1943 г. при всех лагерях и спецгоспиталях военнопленных были организованы «БС» – базы содействия из местного населения по поимке бежавших пленных. На случаи массовых побегов, нападений извне, бомбежек, пожаров и т.п. разрабатывались детальные планы охраны и обороны лагерей.

Несмотря на принимаемые меры, с наступлением весны побеговые настроения среди военнопленных существенно возросли. 15 мая 1943 г. командованием 227-го полка конвойных войск был издан приказ № 018 «О мероприятиях по усилению охраны военнопленных и спецконтингента на весенне-летний период»²⁷. В соответствующей отчетности отмечалось, что имели место не только одиночные, но и групповые побег пленных. Так, в лагере № 108/15 (Дубовка) в 24 часа 8 мая 1943 г. через прорез проволочного ограждения бежали не замеченные часовым трое пленных. Анализ причин побегов подтверждал вывод о том, что с наступлением теплой погоды стремление военнопленных к побегам будет усиливаться, особенно из вновь организуемых лагерей и с мест работы. Ожидался рост числа побегов и при конвоировании²⁸.

²⁷ Приказ по 227-му полку конвойных войск НКВД № 018 от 15 мая 1943 г. // РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 26–27.

²⁸ Там же. Л. 26.

Колонна пленных немцев на улице Сталинграда

Источник: *skaramanga_1972*. Сталинград. Часть 7. Бесславный финал.
Плен (продолжение-2). О смертности сталинградских немцев // LiveJournal.
URL: <https://skaramanga-1972.livejournal.com/378698.html>

Учитывая названные обстоятельства, приказом № 018 от 15 мая 1943 г. перед командованием и личным составом в качестве основной была поставлена задача по недопущению «неликвидированных побегов». С этой целью надлежало усилить политико-воспитательную работу с личным составом по борьбе с самовольными отлучками, уходом с поста, сном на посту, использованием служебного положения в корыстных целях.

С 17 мая 1943 г. начались сборы опергрупп по предупреждению и ликвидации побегов. В каждом подразделении предписывалось завести так называемые «комнаты службы» для проведения опытными командирами сборов, семинаров, показательных уроков. В конвои и караулы предписывалось направлять только лучшие кадры с натренированными служебными собаками. К 1 июня того же года каждому командиру и бойцу надлежало подготовиться к службе конвоирования и «окарауливания».

Для быстрой и своевременной ликвидации побегов военнопленных «базы содействия» организовывались в радиусе до 20 км от лагерей. Каждому из командиров подразделений надлежало детально изучить свой район, местность вокруг вверенного объекта, заранее подготовить возможные планы действий караулов и оперативных групп на случай побега.

На 15 апреля 1943 г. органами НКВД было принято 92 090 гитлеровских военнопленных, захваченных в Сталинграде и его окрестностях. Приемными пунктами НКВД СССР было учтено 73 092 чел.: 7 869 из них передали на излечение в госпитали, 28 098 – вывезли в другие лагеря, шестерым пленным удалось бежать, 36 230 чел., по подсчетам сотрудников НКВД, умерли (уже после их принятия органами НКВД от армии), в том числе, 24 346 – на приемных пунктах и 11 884 – в госпиталях. По данным УПВИ НКВД СССР, общее количество умерших пленным из числа захваченных в ходе Сталинградской битвы с учетом непринятых лагерями НКВД и госпиталями НКО, составило 55 228 чел. Фактически, на 15 апреля 1943 г. в Сталинградских лагерях НКВД СССР оставались всего 889 пленным²⁹. Несмотря на резкое сокращение количества военнопленных в районе Сталинграда, обеспечению надлежащих условий их содержания по-прежнему уделялось повышенное внимание.

По состоянию на 13 мая 1943 г. на территории Сталинградской области действовали лагеря военнопленных № 60, 108, 123, 50 и 98. Их контингент, несмотря на предпринимаемые меры, оставался в «тяжелом» состоянии. Заболеваемость и смертность среди военнопленных находились на «недопустимо высоком уровне». Как отмечалось заместителем наркома внутренних дел СССР С.Н. Кругловым, указания НКВД СССР о создании надлежащих санитарно-бытовых условий для военнопленных и «постановке» их питания осуществлены не были. По замечанию С.Н. Круглова, придававшего исключительное значение вопросам снижения заболеваемости и полного прекращения смертности среди военнопленных, ослабление внимания к лагерям было чревато усугублением и без того тяжелого положения военнопленных. Согласно указаниям Народного комиссара внутренних дел Л.П. Берии, начальникам сталинградских лагерей военнопленных было предписано ежедневно лично принимать все возможные меры для улучшения положения контингента. Все потребности лагерей в продуктах и предметах вещевого довольствия подлежали удовлетворению в полном объеме и под строгим контролем. Для этого следовало использовать имевшиеся в области хозяйственные ресурсы лагерей, колоний,строек и пр. Начальнику

²⁹ Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. С. 66.

Сталинградского УНКВД было предписано внимательно изучить все изданные ранее директивы НКВД СССР об улучшении положения военнопленных и незамедлительно принять надлежащие меры к их полному исполнению. Для доклада о принимаемых мерах и состоянии лагерей военнопленных была установлена пятидневная телеграфная отчетность. Информация поступала непосредственно к Л.П. Берии³⁰.

В мае 1943 г. Управление Сталинградских лагерей НКВД № 108 было ликвидировано. К середине лета того же года опустевшие лагеря и спецгоспитали военнопленных также прекратили свое существование.

Заключение

Организация приема, содержания, лечения и эвакуации военнопленных в районе Сталинграда происходила в условиях крайнего дефицита времени, в чрезвычайно сложной обстановке прифронтовой полосы, при отсутствии необходимых опыта, специалистов и средств. Данные обстоятельства в значительной мере усугублялись суровыми климатическими факторами, неблагоприятным временем года.

Систематические враждебные проявления со стороны военнопленных вермахта усиливали сложность работы с ними и вызывали ответный гнев советских военнослужащих, и без того ожесточенных фактами нарушения законов и обычаев войны со стороны оккупантов, гитлеровской агрессией в целом.

Физическое состояние контингента пленных гитлеровцев было ослаблено еще в период их 76-дневного окружения в результате ненадлежащего снабжения. Именно это явилось главной причиной их тяжелого положения, высокой заболеваемости и смертности в плену.

Невзирая на перечисленные обстоятельства, советские органы военного управления, внутренних дел и командный состав внутренних войск прилагали все силы и использовали имевшиеся возможности для сохранения жизней и здоровья пленных. Издержки и недостатки в организации приема, транспортировки и размещения военнопленных, хотя и довольно распространенные, носили, как правило, частный характер и влекли за собой строжайшие меры воздействия. Руководство органов и войск НКВД не оставалось безучастным к нарушению правил приема и содержания

³⁰ Записка по проводу заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 2 ранга Круглова начальнику УНКВД подполковнику госбезопасности тов. Прошину от 13 мая 1943 г. // Архив ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 263. Л. 5.

военнопленных, настойчиво боролось за устранение недостатков, применяя соответствующие санкции к виновным, невзирая на их звания и ранги.

Следует признать, что имевшие место проявления грубого обращения по отношению к военнопленным представляли собой лишь немногочисленные эксцессы со стороны отдельных недисциплинированных солдат и офицеров, систематически преследовавшихся в уголовном и дисциплинарном порядке. Кроме того, командование частей и соединений внутренних войск НКВД, а также администрация лагерей военнопленных, невзирая на экстремальные условия прифронтовой полосы, настойчиво изживали причины и условия, способствовавшие подобным проявлениям, налаживая прежде всего порядок приема, содержания и этапирования пленных.

В результате действий органов НКВД большая часть военнопленных, несмотря на их критическое состояние на момент захвата, была доставлена в спецгоспитали и лагеря и, в конечном счете, эвакуирована из Сталинграда, в руинах которого размещение больных и ослабленных пленных было практически невозможным. Сотрудники и военнослужащие органов и войск НКВД предприняли все возможные меры для облегчения участи военнопленных противника.

Introduction

Addressing the problem formulated above was predetermined by the extraordinary place and role of the Stalingrad prisoner-of-war camps in the activities of the internal troops of the NKVD during the Great Patriotic War of 1941–45. From a theoretical point of view, the study of this problem makes it possible to comprehend the accumulated experience of working with huge masses of enemy prisoners of war in the extreme conditions of the front-line area at the beginning of the radical turning point of the war. In practical terms, it can contribute to the development and implementation of proposals and recommendations for improving the creation and activities of present-day special bodies and troops in conditions of internal and international armed conflicts.

Despite its obvious importance and relevance, in my opinion, this problem has not been studied thoroughly enough so far. In particular, a number of important aspects have not yet become the subject of any special consideration. Among them are the quantitative characteristics of the contingent of prisoners of war captured during the Battle of Stalingrad; the reasons and preconditions for their high morbidity and mortality; organization and functioning of places for the reception and accommodation of prisoners of war; compliance with international law and obligations accepted by the leadership of the Soviet state in this regard.

The fates of Hitler's prisoners of war captured during the Battle of Stalingrad are described in sufficient detail in Soviet and foreign memoirs and in historical literature. The publications of W. Adam, F. Sapp, H. Schröter, H. Dibold, K. Fischer, G. Hieronymi, J. Probst, T. Puth, and others are based primarily on the memories of the participants in the events. These works contain extensive factual material about the circumstances of the captivity of privates and officers of the Paulus' army group and about their relationships with Soviet military personnel.¹ Since the beginning of the 1990s, articles and monographs on the situation of Nazi prisoners of war in the Stalingrad camps, based primarily on archival materials, have appeared. These publications include the works by A. Hilger, S. Karner, E. Tsunaeva, S. Sidorov,

¹ W. Adam, *A Difficult Decision: Memoirs of a Colonel of the 6th German Army* [in Russian], trans. N.M. Gnedina, and M.P. Sokolov (Moscow: Progress, 1967); F. Sapp, *Captured in Stalingrad, 1943–1946* [in Russian], trans. L. Shvarts (St Petersburg: Peterburg-XXI vek, 1998); H. Schröter, *Stalingrad. The Great Battle Through the Eyes of a War Correspondent. 1942–1943* [in Russian], trans. A.S. Nechaev (Moscow: Tsentrpoligraf, 2008); H. Dibold, *Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft* (Berlin: Wünsche, 2004); K.J. Fischer, *Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimkehrten* (Willsbach: Scherer, 1948); G. Hieronymi, *Stacheldraht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung* (Düsseldorf: Bärenfeld, 1955); *Kriegsgefangene in der Sowjetunion* (Berlin (Ost): SWA-Verlag oJ (um), 1948); J. Probst, *Von Stalingrad nach Saratov* (Hagen: Selbstverlag, 1983); T. Puth, *Hunger und Heimweh. Erlebnisse aus Soldatenzeit und Kriegsgefangenschaft* (Daun: Selbstverlag, 1988).

V. Galitskii, V. Konasov, A. Kuz'minykh, M. Zagorul'ko, A. Epifanov, and others.² In recent years, thematic collections of documents on the history of the Stalingrad captivity have also become relatively widespread.³ A number of researchers, in particular N. Varavin, N. Krylov, A. Fedorov, et al., devoted their works to the problems of the participation of internal troops of the NKVD of the USSR in the Battle of Stalingrad.⁴ However, it appears that all of these publications do not provide a sufficiently comprehensive picture of the history and situation of Wehrmacht prisoners of war in the Stalingrad region and still contain significant gaps, errors, and inaccuracies.

In the course of working on the article, the author relied on published and unpublished materials from the collections of the Russian State Military Archive

² A. Hilger, *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* (Essen: Klartext, 2000); S. Karner, *The GUPVI Archipelago. Captivity and Internment in the Soviet Union. 1941–1956* [in Russian], trans. O. Aspisova (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2002); E.M. Tsunaeva, “Documents from the Volgograd Archives about Prisoners of War in Stalingrad” [in Russian], in *Archival Studies of Volgograd Oblast 1923–2008: Results, Achievements, Prospects: Materials of the Scientific and Practical Conference (Volgograd, November 20, 2008)*, ed. L.I. Budchenko (Volgograd: Zdorov'e i ekologiya, 2008), 95–103; S.G. Sidorov, “Prisoner-of-War Camps in the Territory of Stalingrad Oblast in 1943–1954” [in Russian], in *Deep Stream: A Scholarly Yearbook*, vol. 1, ed. M.M. Zagorul'ko (Volgograd: Izdatel', 2000), 175–84; V.P. Galitskii, “Enemy Prisoners of War in the USSR (1941–1945)” [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1990): 39–46; V.B. Konasov, *Fate of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem. Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov, 1996); A.L. Kuz'minykh, “International Law and Prisoners of War: The Problem of Legal Protection Prisoners of War and Internees” [in Russian], *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 4 (20) (2012): 77–80; M.M. Zagorul'ko, *Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1945: On the History of the Issue (Materials for Discussion)* [in Russian] (Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2003); A.E. Epifanov, E.E. Krasnozhenova, and M.M. Stepanova, “History and Legal Status of Wehrmacht Prisoners of War during the Battle of Stalingrad” [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 12 (3) (2019): 144–50; A.E. Epifanov, *History and Legal Status of Wehrmacht Prisoners of War in Stalingrad. 1942–1956* [in Russian] (Volgograd: Izdatel'stvo VA MVD RF, 2007).

³ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and Materials* [in Russian], vol. 2, *Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954*, comp. M.M. Zagorul'ko et al. (Volgograd: Izdatel', 2003); *Russian Archive: The Great Patriotic War. German Prisoners of War in the USSR. Documents and Materials. 1941–1945*, vol. 24 (13–2), *German Prisoners of War in the USSR 1941–1955*, comp. V.N. Vartanov et al., bk. 1 (Moscow: Terra, 1999).

⁴ N.A. Varavin, “NKVD Troops in the Battle of Stalingrad” [in Russian], *Veteran MVD Rossii*, no. 2 (2017): 37–39; N.I. Krylov, *The Stalingrad Line* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1979); A.B. Fedorov, and A.L. Bredikhin, “Contribution of the Troops and Organs of the NKVD of the USSR to the Defense of Stalingrad (to the 80th Anniversary of the Defeat of the German troops)” [in Russian], *Nauchnyi komponent*, no. 4 (16) (2022): 5–68.

(RGVA), the Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO), and the Archive of the Information Centre of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Volgograd Oblast. Particular attention was focused on little-studied and controversial aspects of the problems stated above.

The conclusions and generalizations made in this article expand the understanding of Russian history during the Great Patriotic War and of the organization and activities of the internal troops of the NKVD of the USSR in wartime conditions.

Main Body

In addition to its principal task of protecting the rear of the active Red Army, in January 1943, individual units and divisions of the NKVD troops of the USSR fought with the enemy and searched for and eliminated small enemy groups in the rear, following the instructions of the Military Councils of the fronts.

This operational and service activity of the troops of the NKVD of the USSR belonged to the category of combat activity and was most widespread in the period under study in the area of Stalingrad. In the period between January and February 1943, after the liquidation of the Paulus' army group, 38 instances of military clashes between service units and enemy servicemen were recorded in the Don Front. The enemy servicemen attempted to escape the encirclement and tried to break through to Rostov in groups or individually. As a result of such armed clashes, service squads of the 2nd and 98th Border Regiments of the NKVD of the USSR killed 138 enemy soldiers and officers, with another 181 Wehrmacht servicemen captured and two Soviet border guards killed.⁵

⁵ “Obzor boevoi i operativno-sluzhebnoi deyatelnosti voisk NKVD po okhrane tyla deistvuyushchei Krasnoi Armii za period yanvar'–aprel' 1943 g.” [Review of the combat and operational activities of the NKVD troops for the protection of the rear of the active Red Army for the period of January–April 1943]. F. 328809, op. 5, d. 479, l. 101. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] (RGVA), Moscow, Russia.

Soviet cameraman Abram Kazakov films captive Field Marshal Friedrich Paulus with a movie camera

Source: Photoblog no. 1005001: Author's blog of Andrei Kirnov, <https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

Let us also mention a number of other illustrative cases. On January 30, 1943, the service unit of the 5th outpost of the 98th Border Regiment under the command of Sergeant D. Yakovlev noticed a group of unknown people dressed in white camouflage robes, making their way through the ravine. After the group was called out by the service unit, a woman responded that that they were locals and were just going home. As the unit approached, the group of unknown people opened fire from machine guns. As a result of the firefight, three enemy officers were killed and one was captured. The detained female guide admitted her intention to lead the group of Nazi officers from Stalingrad to Rostov.

Another service unit of the 98th Border Regiment under the command of Corporal M. Tishkov found a dugout in the Peschanaya Gully with six German officers in it. The enemy responded to the offer to surrender with fire and fired back for an hour. Then, the Red Army soldier S. Gorin crawled to the dugout and threw a grenade at it. As a result, two enemy officers were killed and four surrendered.⁶

Numerous attempts of the officers of the encircled German troops to use gaps in the battle formations of the Soviet troops for escape required the involvement of both the NKVD troops and the Red Army units. Order to the Troops of the 21st Army no. 03 “On Strengthening Vigilance in the Army and Military Rear,” as of January

⁶ “Obzor boevoi i operativno-sluzhebnoi deyatelnosti voisk NKVD po okhrane tylia deistvuyushchei Krasnoi Armii za period yanvar’–aprel’ 1943 g.” [Review of the combat and operational activities of the NKVD troops for the protection of the rear of the active Red Army for the period of January–April 1943]. F. 328809, op. 5, d. 479, l. 101. RGVA.

28, 1943, it was reported that in order to escape from encirclement and conduct sabotage and subversive work in the Soviet rear, the Nazis dressed themselves in camouflage suits, Red Army uniforms, and civilian clothes. To prevent such incidents, all personnel were ordered to increase vigilance.

The information mentioned in Order no. 03 was also confirmed by combat practice. For instance, on January 27, 1943, an army detachment detained a lieutenant colonel, a major, and a lieutenant from the encircled Nazi troops near the village of Novyi Rogachik. All of them were wearing Red Army uniforms. In the area where the 762nd Anti-Tank Fighter Regiment was located, two Wehrmacht officers were detained wearing Red Army camouflage suits. They put up armed resistance and wounded one of the Soviet commanders.⁷

German prisoners of war in Stalingrad

Source: “Attempts of the Germans to Break out of the Stalingrad Cauldron” [in Russian], Open History, <https://dzen.ru/a/Ws0kDK0PItotriAK>

Taking into account such cases, the commander of the 21st Army ordered the establishment of proper order in the protection and defense of the army and military rear. This was to be done under the personal responsibility of commanders of rear units and institutions, commanders of army and military rear services, garrison commanders, and commandants of stations and settlements. Control over the execution of this order was entrusted to the chief of staff of the army rear services

⁷ “Prikaz voiskam 21-i armii № 03 ‘Ob usilenii bditel'nosti v armeiskom i voiskovom tylu’ ot 28 yanvarya 1943 g.” [Order to the troops of the 21st Army no. 03 ‘On Strengthening Vigilance in the Army and Military Rear,’ as of January 28, 1943]. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (TsAMO RF). F. 62, op. 335, d. 1, l. 175. Podolsk, Moscow Oblast, Russia.

department. The garrison commanders and commandants were ordered to organize patrols and identity checks and to search all ravines and dugouts in order to find enemy fugitives. The border detachments, the road commandant services, and the entire command staff were ordered to check identification documents of all persons in the area and to send suspicious ones to the nearest commandant's office for further identification.⁸

It should also be noted that, despite the fact that Paulus signed the act of surrender of his army, the remaining groups of the Nazis continued to resist for a long time, both in the territory of Stalingrad and in its environs. For instance, on the night of March 5, 1943, a group of German officers attacked Red Army soldiers near the Voroshilov District Committee of the VKP(b) and the checkpoint of the patrol company of the 228th Separate Rifle Battalion (OSB) of the NKVD troops stationed in Stalingrad, as a result of which a Soviet sergeant was wounded. The reconnaissance battalion of the 64th Army stationed in that district of Stalingrad found and destroyed eight German officers, who were in possession of pistols and a radio station.⁹

Along with guarding rear areas of the front-line, the NKVD troops played a fundamental role in the organization and operation of enemy POW camps for prisoners captured in the territories near Stalingrad. On January 23, 1943, by personal order of L. Beria, the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD took under its protection assembly points for prisoners of war in Zaplavnoe, Pan'shino, Dubovka, Bol'shenabatovsk, and Baburkino. On January 27, its units took over assembly points in Aleksandrovka, Gorodishche, and Gumrak. The following day, the camps of StalGRES, Lesobaza, Sacco and Vanzetti, and Plant no. 91 joined them. In February 1943, the camps at Plant no. 264 (Krasnoarmeisk), at the Cannery in the Voroshilovskii district of Stalingrad, and at the Stalingrad Tractor Factory came under the jurisdiction of the 21st Rifle Brigade. In addition, several hospitals with sick and wounded Nazi soldiers were also transferred to the jurisdiction of the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD.¹⁰

⁸ “Prikaz voiskam 21-i armii № 03 ‘Ob usilenii bditel'nosti v armeiskom i voiskovom tylu’ ot 28 yanvarya 1943 g.” [Order to the troops of the 21st Army no. 03 ‘On Strengthening Vigilance in the Army and Military Rear,’ as of January 28, 1943]. F. 62, op. 335, d. 1, l. 175. TsAMO RF.

⁹ “Donesenie Komandira 228-go Otdel'nogo strelkovogo batal'ona vnutrennikh voisk NKVD maiora Pupysheva komandiru 21-i strelkovoi brigady vnutrennikh voisk NKVD SSSR polkovniku Zubrilovu” [Report of the Commander of the 228th Separate Rifle Battalion of the Internal Troops of the NKVD Major Pupyshev to the Commander of the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR Colonel Zubrilov]. F. 38924, op. 1e, d. 4, l. 94. RGVA.

¹⁰ Epifanov, *History and Legal Status of Wehrmacht Prisoners of War*, 47.

A column of German prisoners of war escorted to the camp after the Battle of Stalingrad, January 1943

Source: Photoblog no. 1005001: Author's blog of Andrei Kirnov, <https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

As follows from the report of the head of the operational department of the NKVD Troops Directorate for the Protection of the Rear of the Don Front to the head of the Main Directorate of Internal Troops of the NKVD of the USSR as of February 3, 1943, up to 89,000 enemy prisoners were held in the Stalingrad area. Of them, 49,000 people were located in the southern part of Stalingrad; 10,000, in Pan'shino and Gumrak; 20,000, in the area of the Stalingrad Tractor Factory.¹¹

Since the assembly points for prisoners of war were not equipped, the prisoners were kept without food and in the open air in the area of Pan'shino and Gumrak for four days. In the southern part of Stalingrad, they were not even provided with water. Their provision with food was not organized at any of the assembly points either.

¹¹ “Donesenie nachal'nika operativnogo otdela Upravleniya voisk NKVD po okhrane tylu deistvuyushchei Krasnoi Armii polkovnika Efremova nachal'niku Glavnogo upravleniya vnutrennikh voisk general-maioru Sheredege ot 4 fevralya 1943 g.” [Report of the Head of the Operational Department of the NKVD Troops Directorate for the Protection of the Rear of the Active Red Army Colonel Efremov to the Head of the Main Directorate of Internal Troops Major General Sheredega as of February 4, 1943]. F. 32880, op. 5, d. 479, l. 25. RGVA.

Hitler's soldiers near Stalingrad, 1943

Source: skaramanga_1972, "Stalingrad. Part 7. Inglorious Ending. Captivity (Continued–2). About the Mortality of the Stalingrad Germans" [in Russian], LiveJournal, <https://skaramanga-1972.livejournal.com/378698.html>

On February 25, 1943, when conducting personal inspection, chief of staff of the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD established that the camps contained a large number of wounded and sick prisoners of war, including 900 servicemen in Gumrak, 1000 servicemen in Kamennyi Buerak, 792 servicemen in Gorodishche, and 274 servicemen in Aleksandrovka. According to the head of the Gumrak camp, there was absolutely no food for the prisoners there, which caused a significant number of starvation deaths among the prisoners.¹²

According to the head of the operational department of the NKVD Troops Directorate for the Protection of the Rear of the Active Red Army, the reason for that was the lack of organization by the deputy head of the Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees (UPVI) of the NKVD of the USSR N. Smirnov and the representative of the aforesaid People's Commissariat S. Shustin. Not only did

¹² "Dokladnaya zapiska nachal'nika shtaba brigady maiora Shchemeleva nachal'niku Upravleniya lagerei voennoplennykh (ne datirovana)" [Memorandum from the Brigade Chief of Staff Major Shchemelev to the Head of the Directorate of Prisoner-of-War Camps (undated)]. F. 38700, op. 1, d. 6, l. 243. RGVA.

Smirnov and Shustin file no request forms to the front for food and household items necessary to provide assembly points and reception centers for prisoners of war with everything they needed, but they also did not consider it necessary to appear before the command of the Don Front troops in order to organize their maintenance.¹³

The situation of prisoners of war was terrible at the points of their dispatch to the rear areas of the country, which also turned out to be completely unprepared for the reception and future transfer of this contingent. On February 16, 1943, deputy commander of the 35th division, Lieutenant Colonel P. Beznos informed the head of the convoy troops of the NKVD of the USSR by telegram that due to the cold in the premises and the lack of regular food, the death rate among prisoners had increased at the reception point of the Vorob'evka station of the South-Western Railway (near the town of Kalach in Stalingrad Oblast). According to the colonel, up to 20–30% of prisoners of war died there and isolated cases of cannibalism were recorded. Meanwhile, the workers of the aforesaid reception center did not react to these phenomena. As of February 12, 1943, 5,400 prisoners were concentrated at the Vorob'evka station. Their transfer to other facilities was delayed due to the lack of rolling stock.¹⁴

¹³ “Donesenie nachal'nika operativnogo otdela Upravleniya voisk NKVD po okhrane tyła deistvuyushchei Krasnoi Armii polkovnika Efremova nachal'niku Glavnogo upravleniya vnutrennikh voisk general-maioru Sheredege ot 4 fevralya 1943 g.” [Report from the Head of the Operational Department of the NKVD Troops Directorate for the Protection of the Rear of the Active Red Army Colonel Efremov to the Head of the Main Directorate of Internal Troops Major General Sheredega as of February 4, 1943]. F. 32880, op. 5, d. 479, l. 25. RGVA.

¹⁴ “Spetssoobshchenie № 26 nachal'nika konvoinykh voisk NKVD SSSR general-maiora Krivenko zamestitelyu narodnogo komissara vnutrennikh del Soyuza SSR general-leitenantu Appolonovu (ne datirovano)” [Special Message no. 26 from the Head of the Convoy Troops of the NKVD of the USSR, Major General Krivenko, to the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR Lieutenant General Appolonov (undated)]. F. 1/a-p, op. 9, d. 24, l. 22. RGVA.

A commander of the Red Army shows the cameraman the shoes of a captured Wehrmacht soldier
Source: Photoblog no. 1005001: Author's blog of Andrei Kirnov,
<https://dzen.ru/a/Y8rxTHd1NX2Gko-y>

High mortality rate among prisoners of war was also registered during their transfer between reception centers. For instance, 26 people died during the transfer of prisoners of war from camp no. 108/14 to the Stalingrad Tractor Factory on February 28, 1943. The cause of all deaths was stated to be severe emaciation. The bodies of those who died along the way were left without burial.¹⁵

¹⁵ “Donesenie komandira batal'ona maiora Pupysheva komandiru 21-i strelkovoi brigady vnutrennikh voisk NKVD polkovniku Zubrilovu (ne datirovano)” [Report from the Battalion Commander Major Pupyshev to the Commander of the 21st Rifle Brigade of the NKVD Internal Troops Colonel Zubrilov (undated)]. F. 38700, op. 1, d. 13, l. 76. RGVA.

German prisoners of the 11th Army Corps in Stalingrad, February 2, 1943

Source: Military Album. Photographs of the Second World War and the Great Patriotic War (1939–1945), <https://waralbum.ru/11419/>

However, to make the picture unbiased, it should also be noted that cases of killing prisoners of war by escort personnel were not uncommon. According to the headquarters of the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR, reflected in Order no. 051 as of March 6, 1943, when performing tasks of escorting prisoners of war, individual Red Army soldiers used weapons on those lagging behind and did not use all the means required to deliver them to their destination.¹⁶

The Order no. 051 mentioned above strictly prohibited the use of weapons against prisoners of war lagging behind the columns. It was allowed to open lethal fire only in the event of an attack on the escort and an escape of those being escorted. To deliver prisoners of war to their destination without loss, it was prescribed to form columns of 600–800 people, and each of them was to be accompanied by a car intended for transporting weak and sick prisoners lagging behind. Meal stations were to be equipped every 30 kilometers in places where the escorted prisoners of war spent the night along their routes. It was forbidden to accept prisoners for escort without complying with these requirements.¹⁷

¹⁶ “Prikaz po 21-i strelkovoi brigade vnutrennikh voisk NKVD SSSR № 051 ot 6 marta 1943 g.” [Order to the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR no. 051 as of March 6, 1943]. F. 38924, op. 1e, d. 4, l. 47. RGVA.

¹⁷ Ibid.

Despite all the measures taken, cases of arbitrary executions of prisoners of war during their escort continued to occur for quite some time. For instance, on March 10, 1943, the chief of staff of the 21st Brigade demanded from the commander of the 230th Separate Rifle Battalion a written explanation of the fact that when escorting prisoners of war to Plant no. 64 (Beketovka), individual soldiers of his unit shot prisoners of war only because they were lagging behind the column in violation of the order.¹⁸

Despite the unsatisfactory physical condition of prisoners of war, they began to work on clearing Stalingrad and its environs soon after capture in compliance with the order from the commander of the Volga Military District. Prisoners of war of certain categories were approved to be used according to their military specialties. By Order no. 02 of the Administration of the Stalingrad Prisoner-of-War Camps “On the Allocation of Prisoners of War for Special work” as of February 23, 1943, the camp commanders were required to identify and select specialists from the engineering and sapper service and then transfer them to the chiefs of the Red Army engineering troops for clearing minefields and the elimination of unexploded shells and aerial bombs in Stalingrad and its environs.

For the collection and burial of the dead enemy military personnel in Stalingrad and in the surrounding areas, each of the heads of Plant no. 91 Camp no. 108/11 and Lesobaza Camp no. 108/12 selected a thousand healthy prisoners of war, dressed for the season, who did not have any “leading professions.” Those prisoners were formed into groups of 500 people and placed at the disposal of the commanders of the 62nd, 64th, and 66th armies and the 7th Rifle Corps.¹⁹

Special measures were required to establish order and discipline and to combat violations of the law among the escort. By Order no. 029, as of February 2, 1943 and repeated personal instructions to unit commanders, the commander of the 21st Infantry Brigade demanded the most decisive measures be taken to prevent “looting” among the military personnel of the brigade’s units in relation to prisoners

¹⁸ “Ukazanie nachal'nika shtaba brigady maiora Shchemeleva komandiru 230-go otdel'nogo strelkovogo batal'ona ot 10 marta 1943 g.” [Instruction from Chief of Staff of the Brigade Major Shchemelev to the Commander of the 230th Separate Rifle Battalion as of March 10, 1943]. F. 38700, op. 1, d. 6, l. 276. RGVA.

¹⁹ “Prikaz po 21-i strelkovoii brigade vnutrennikh voisk NKVD SSSR ‘O nalozhenii distsiplinarnogo vzyaskaniya na komandira vzvoda 230-go OSB mladshogo leitenanta Rekunova, voenfel'dshera Golovina i otstraneniia ot dolzhnosti komandira rotty Sinyutkina’ № 045 ot 18 fevralya 1943 g.” [Order to the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR ‘On the Imposition of a Disciplinary Sanction on the Commander of the 230th Separate Rifle Battalion Junior Lieutenant Rekunov, Military Paramedic Golovin, and on the Removal from Office of Company Commander Sinyutkin’ no. 045, as of February 18, 1943]. F. 1/a-p, op. 9, d. 24, l. 22. RGVA.

of war. Despite those measures, such cases continued to take place. For example, on the night of February 5–6, 1943, being drunk, platoon commander, junior lieutenant D. Rekunov and military paramedic A. Golovin from the 230th Separate Rifle Battalion arbitrarily searched captured German officers in the camp in the settlement of Sacco and Vanzetti and appropriated two pairs of socks and several handkerchiefs for personal use. Together with Rekunov and Golovin, Sergeant Major Bondarenko took part in the search and appropriated stockings and gloves.

The named servicemen were subject to disciplinary sanctions by order of the commander of the 21st Infantry Brigade. As a result, Rekunkov and Golovin were arrested for 10 days with withholding of half their pay, and Sergeant Major Bondarenko (for appropriating the belongings of prisoners of war) and chief of the guard Sergeant Mogilev (for admitting persons who did not have the right and permission to search prisoners of war into the guardhouse) were punished by the battalion commander. The company commander was removed from office for indiscipline among personnel and connivance in the command staff appropriating the belongings of prisoners of war. The entire command staff of the brigade was warned that henceforth the perpetrators would be tried by a military tribunal for marauding and looting.²⁰

Robbery and looting were common among the prisoners of war themselves. As noted in the circular of the head of the NKVD of the USSR as of March 12, 1943, not only individual prisoners but often entire groups of them carried out raids, taking food, bread, and personal belongings from the weaker prisoners. Due to the fact that the bodies of deceased prisoners of war were not removed or guarded, cases of their robbery were recorded as well.

In order to prevent such cases, the Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR ordered to ensure strict order and discipline among prisoners in the camps by strengthening control and toughening punishment. Those who were caught in robbery, theft, and looting were to be subjected to strict disciplinary and, in necessary cases, criminal liability, leaving no violation unpunished. Through the barracks (dugout) elders, all prisoners of war were warned that the perpetrators would be severely punished for such violations.

²⁰ “Prikaz po 21-i strelkovoii brigade vnutrennikh voisk NKVD SSSR ‘O nalozhenii distsiplinarnogo vyzskaniya na komandira vzvoda 230-go OSB mladshogo leitenanta Rekunova, voenfel'dshera Golovina i otstraneniia ot dolzhnosti komandira rotty Sinyutkina’ № 045 ot 18 fevralya 1943 g.” [Order to the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR ‘On the Imposition of a Disciplinary Sanction on the Commander of the 230th Separate Rifle Battalion Junior Lieutenant Rekunov, Military Paramedic Golovin, and on the Removal from Office of Company Commander Sinyutkin’ no. 045, as of February 18, 1943]. F. 1/a-p, op. 9, d. 24, l. 22. RGVA.

According to the circular mentioned above, a morgue was equipped with a strong lock and always kept under surveillance in the territory of each camp at a distance from other buildings. The bodies of deceased prisoners of war were required to be immediately removed to the morgue after the expiration of the deadlines established by sanitary standards. The corpses could be stored in the morgue for no more than 24 hours. After that they had to be removed and buried, which was to be done only after dark.²¹

Throughout the period under study, escapes were a huge problem for the POW camps in Stalingrad. Due to the extremely difficult situation of prisoners of war and their high mortality rate in the camps, instances of prisoners attacking sentries in order to escape became widespread. In an attempt to escape from the front-line reception center and transit point for prisoners of war Pan'shino, up to 200 people were killed.²² The critical situation with the detention of prisoners was aggravated by the fact that the army fronts received new tasks, which is why part of their bases and warehouses were relocated to the west from the Stalingrad region. The lack of properly completed requests for food for prisoners of war was fraught with the deterioration of already difficult conditions in the camps.

Once in Soviet POW camps, Nazi prisoners of war systematically showed a hostile attitude towards the NKVD troops guarding them. For example, on February 5, 1943, during a search of prisoners of war in the Dubovka Camp, a Red Army soldier of the 227th Separate Rifle Battalion V. Fomenko showed vigilance and discovered a pistol with a clip of cartridges belonging to one of the captured officers. On February 8 of the same year, while serving as a sentry guarding the Pan'shino Camp, another Red Army soldier, I. Pavlov, was forced to bayonet another captured officer who attacked him while trying to escape. By order of the commander of the 21st Infantry Brigade,

²¹ “Tsirkulyar nachal'nika Upravleniya NKVD SSSR po delam voennoplennykh i internirovannykh general-maiora Petrova ot 12 marta 1943 g.” [Circular of the Head of the NKVD Directorate for Prisoners of War and Internees of the USSR Major General Petrov as of March 12, 1943]. F. 6, op. 1, d. 267, l. 29. Arkhiv Informatsionnogo tsentra GU MVD Rossii po Volgogradskoi oblasti [Archive of the Information Centre of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Volgograd Oblast] (Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Volgogradskoi oblasti), Volgograd, Russia.

²² “Donesenie nachal'nika operativnogo otdela Upravleniya voisk NKVD po okhrane tyla deistvuyushchei Krasnoi Armii polkovnika Efremova nachal'niku Glavnogo upravleniya vnutrennikh voisk general-maioru Sheredege ot 4 fevralya 1943 g.” [Report from the Head of the Operational Department of the NKVD Troops Directorate for the Protection of the Rear of the Active Red Army Colonel Efremov to the Head of the Main Directorate of Internal Troops Major General Sheredega as of February 4, 1943]. F. 32880, op. 5, d. 479, l. 25. RGVA.

the named servicemen were commended for their conscientious attitude to service and vigilance.²³

On March 4, 1943, at about three o'clock in the morning, sentry of the Red Army, Ya. Semenov discovered an unknown person on the outside of the Beketovka Camp (behind the wire). After the sentry shouted, that person lay down on the ground and hid. Despite the warning shot, the stranger did not rise and was killed. It was a German prisoner of war, Corporal G. Janori, who had escaped the captivity. A knife, the Order of the Iron Cross, and German money were found on him.²⁴

Those prisoners of war who remained alive after their attempts to escapes from the camps failed were subjected to disciplinary punishment. For instance, at 11 p.m. on April 12, 1943, being in possession of a map and a compass, prisoner of war E. Schwab from Camp no. 108 overcame the wire fence and escaped. He was caught the following day and taken back to the camp, and by order of the Deputy Head of the Directorate of the Stalingrad POW Camps N. Smirnov, he was arrested for 10 days in strict isolation for escaping.²⁵

According to the available data on such cases, escapes of prisoners of war were often facilitated by the negligence of administration officials and camp personnel as well as improper performance of their official duties. Despite the demands of the command of the 227th Regiment of Convoy Troops of the NKVD of the USSR, many commanders of its units withdrew from their fulfilment and did not strengthen the security of the contingent entrusted to them. As noted in Order no. 017 as of May 11, 1943 to the 227th Regiment, they did not ensure proper checks of the guards and did not instruct the guards specifically enough.²⁶ The command of the 2nd Battalion of the

²³ “Prikaz po 21-i strelkovoii brigade vnutrennikh voisk NKVD SSSR № 38 ‘Ob ob'yavlenii blagodarnosti krasnoarmeitsam 227-go otdel'nogo strelkovogo batal'ona Fomenko V.G. i Pavlovu I.A.’ ot 28 fevralya 1943 g.” [Order to the 21st Rifle Brigade of the Internal Troops of the NKVD of the USSR no. 38 ‘On Expressing Gratitude to the Red Army Soldiers of the 227th Separate Rifle Battalion Fomenko V.G. and Pavlov I.A.’ as of February 28, 1943]. F. 38700, op. 1, d. 189, l. 26. RGVA.

²⁴ “Donesenie komandira batal'ona kapitana Tauzhninskogo komandiru 21-i strelkovoii brigady vnutrennikh voisk NKVD ot 4 marta 1943 g.” [Report from the Battalion Commander Captain Tauzhninskii to the Commander of the 21st Rifle Brigade of the NKVD Internal Troops as of March 4, 1943]. F. 38700, op. 1, d. 13, l. 21. RGVA.

²⁵ “Prikaz po Upravleniyu stalingradskikh lagerei voennoplennykh № 108 ‘O nalozhenii distsiplinarnogo vzyaskaniya na voennoplennogo Shvab Karla Emil'evicha’ № 39 (datirovano aprelem 1943 g.)” [Order of the Directorate of the Stalingrad Prisoner-of-War Camps no. 108 ‘On the Imposition of Disciplinary Sanctions on Prisoner of War Karl Emil'evich Schwab’ no. 39 (dated April 1943)]. F. 6, op. 1, d. 104, l. 36. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Volgogradskoi oblasti.

²⁶ “Prikaz po 227-mu polku konvoinykh voisk NKVD № 017 ot 11 maya 1943 g.” [Order to the 227th Regiment of NKVD Convoy Troops no. 017 as of May 11, 1943]. F. 6, op. 1, d. 18, l. 25. RGVA.

said regiment, which guarded the Dubovka Camp, showed carelessness and confusion when organizing the capture of prisoners of war who committed a group escape and upon receiving operational data on preparations for this escape.

In this regard, the command of the 227th Regiment ordered the commanders to organize the interaction of all types of security and head it personally, exercising the necessary control. The positive experience of working with enemy prisoners of war was to be set as an example for all personnel and soldiers and commanders who achieved the best results were to be commended. In order to improve the work on protecting and escorting prisoners of war, the commanders of battalions and companies that guarded prisoner of war camps were ordered to personally provide appropriate instructions to squads and orderlies.

According to the same order, to counter the escape of prisoners, operational groups were organized. The territory of the camps was divided among them and the division properly documented. Those on guard were ordered to remain at their posts all the time before the guards changed or to alternate with assistants if they were available. The established rules for the use of service dogs were discussed with all commanding staff. To promptly prevent all escapes, it was necessary to contact party and Soviet organizations, the militia, and regional departments of the NKVD.

Due to the location of the POW camps in the front-line zone and continuous raids of enemy aircraft, the regiment command ordered to dig trenches in the territories of the camps so as to shelter prisoners of war and to fire at enemy aircraft. Special measures were taken to save personnel, premises, and transport in case of fires.

By May 15, 1943, special assistance bases (BSs) had been organized at all camps and at special hospitals for prisoners of war. They were formed from the local population for the capture of escaped prisoners. In cases of mass escapes, external attacks, bombings, fires, etc., detailed plans for the security and defense of the camps were developed.

Despite all the measures taken, with the onset of spring, the mood of prisoners of war changed and therefore the number of escapes increased significantly. On May 15, 1943, the command of the 227th Regiment of Convoy Troops issued Order no. 018 “On Measures to Strengthen the Security of Prisoners of War and Special Contingent for the Spring–Summer Period.”²⁷ The corresponding reports noted that there were not only single escapes but also group escapes of prisoners. In Camp no. 108/15 (Dubovka) at 12 a.m. on May 8, 1943, three prisoners escaped through a cut in the wire fence, unnoticed by the sentry. An analysis of the reasons for the escapes

²⁷ “Prikaz po 227-mu polku konvoinykh voisk NKVD № 018 ot 15 maya 1943 g.” [Order to the 227th Regiment of NKVD Convoy Troops no. 018 as of May 15, 1943]. F. 6, op. 1, d. 18, ll. 26–27. RGVA.

confirmed the conclusion that with the onset of warm weather, the desire of prisoners of war to escape, especially from newly organized camps and places of work, would increase. An increase in the number of escapes while being transferred from one point to another was also expected.²⁸

A column of German prisoners in the street of Stalingrad

Source: skaramanga_1972, “Stalingrad. Part 7. Inglorious Ending. Captivity (Continued–2). About the Mortality of the Stalingrad Germans” [in Russian], LiveJournal, <https://skaramanga-1972.livejournal.com/378698.html>

Taking into account the circumstances mentioned above, by Order no. 018 as of May 15, 1943, the command and personnel were given the main task, which was to prevent “unliquidated escapes.” To this end, it was necessary to strengthen political and educational work with camp personnel to combat unauthorized

²⁸ Prikaz po 227-mu polku konvoinykh voisk NKVD № 018 ot 15 maya 1943 g.” [Order to the 227th Regiment of NKVD Convoy Troops no. 018 as of May 15, 1943]. F. 6, op. 1, d. 18, l. 26. RGVA.

absences, leaving post, sleeping on duty, and the use of official position for personal gain.

On May 17, 1943, task forces began gathering to prevent and terminate escapes. Each unit was required to create the so-called service rooms for experienced commanders to conduct training sessions, seminars, and demonstration lessons. Only the best personnel with trained service dogs were ordered to be appointed escort personnel and guards. By June 1 of the same year, each commander and soldier was obliged to have been prepared for escort and guard duties.

To quickly and timely terminate the escape of prisoners of war, assistance bases were organized within a radius of up to 20 km from the camps. Each of the unit commanders had to thoroughly study the area and the terrain around the guarded facilities and to prepare in advance possible action plans for guards and operational groups in case of escape.

As of April 15, 1943, the NKVD authorities accepted 92,090 Nazi prisoners of war captured in Stalingrad and its environs. The USSR NKVD reception centers documented the arrival of 73,092 people. 7,869 of them were transferred to hospitals for further treatment; 28,098 were taken to other POW camps; six prisoners managed to escape. According to the NKVD employees, 36,230 people died (after their arrival from the army and admission by the bodies of the NKVD), of whom 24,346 died at reception centers and another 11,884 died in hospitals. According to the Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR, the total number of dead prisoners of war captured during the Battle of Stalingrad, taking into account those not accepted by the NKVD camps and NGO hospitals, amounted to 55,228 people. In fact, as of April 15, 1943, only 889 prisoners remained in the Stalingrad camps of the NKVD of the USSR.²⁹ Despite the sharp reduction in the number of prisoners of war in the Stalingrad area, increased attention was still paid to ensuring proper conditions for their detention.

As of May 13, 1943, prisoner of war camps no. 60, 108, 123, 50 and 98 were operating in the territory of Stalingrad Oblast. Despite all the measures taken, their contingent remained in a “serious” condition. Morbidity and mortality rates among prisoners of war were at “unacceptably high levels.” As noted by the Deputy People’s Commissar of Internal Affairs of the USSR S. Kruglov, the instructions of the NKVD of the USSR on the creation of proper sanitary and living conditions for prisoners of war and provision of food for them were not fulfilled. According to S. Kruglov, who attached exceptional importance to the issues of reducing morbidity and completely stopping mortality among prisoners of war, weakening attention to the camps was fraught with aggravation of the already difficult situation of prisoners of war.

²⁹ Epifanov, *History and Legal Status of Wehrmacht Prisoners of War*, 66.

According to the instructions of the People's Commissar of Internal Affairs L. Beria, the heads of the Stalingrad POW camps were ordered to personally take all possible measures every day to improve the situation of the contingent. All needs of the camps for food and clothing were to be satisfied in full and under strict control. To do this, it was necessary to use the economic resources of the camps, colonies, construction sites, etc., available in the region. The head of the Stalingrad NKVD was ordered to carefully study all previously issued directives of the NKVD of the USSR on improving the situation of prisoners of war and immediately take appropriate measures for their full implementation. A five-day period was established for reporting by telegraph on the measures taken and the condition of the Stalingrad POW camps. The information came directly to Beria.³⁰

In May 1943, the NKVD Directorate no. 108 for Stalingrad Camps was liquidated. By mid-summer of the same year, the empty camps and special hospitals for prisoners of war had also ceased to exist.

Conclusion

The organization of the reception, maintenance, treatment, and further evacuation of prisoners of war in the Stalingrad area took place under the conditions of time pressure, an extremely difficult situation of the front-line area, and the lack of necessary experience, specialists, and funds. These circumstances were significantly aggravated by harsh climatic factors and the unfavorable season of the year.

Systematic hostile manifestations on the part of Wehrmacht prisoners of war contributed to the difficulty of working with them and aroused the reciprocal anger of the Soviet military personnel, already embittered by the facts of violation of the laws and customs of war by the occupiers and by Hitler's aggression in general.

The physical condition of the contingent of the captured Nazis aggravated during their 76-day encirclement as a result of inadequate supplies. That was the main reason for their difficult situation, high morbidity, and mortality in captivity.

Despite the circumstances mentioned above, the Soviet military authorities, internal affairs bodies, and commanding officers of the internal troops made every effort and used every available opportunity to preserve the lives and health of enemy prisoners. Despite being quite common, faults and shortcomings in organizing the reception, transportation, and accommodation of prisoners of war, were, as a rule, of

³⁰ "Zapiska po provodu zamestitelya narkoma vnutrennikh del SSSR komissara gosbezopasnosti 2 ranga Kruglova nachal'niku UNKVD podpolkovniku gosbezopasnosti tov. Proshinu ot 13 maya 1943 g." [A Note Regarding Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR, Commissar of State Security of the 2nd Rank Kruglov to the Head of the NKVD Lieutenant Colonel of State Security Comrade Proshin as of May 13, 1943]. F. 6, op. 1, d. 263, l. 5. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Volgogradskoi oblasti.

a private nature and led to the strictest sanctions. The leadership of the NKVD bodies and troops did not remain indifferent to violations of the rules for the reception and detention of prisoners of war and persistently fought to eliminate the shortcomings, applying appropriate sanctions to those responsible, regardless of their titles and military ranks.

It should be recognized that the manifestations of harsh treatment of prisoners of war were not numerous and there were only a few excesses on the part of individual undisciplined soldiers and officers, who were systematically prosecuted in criminal and disciplinary proceedings. Moreover, despite the extreme conditions of the front-line area, the command of units and formations of the NKVD internal troops and the administration of prisoner of war camps persistently eliminated the causes and conditions that contributed to such manifestations, establishing the procedure for reception, maintenance, and evacuation of prisoners of war in the first place.

As a result of the NKVD's actions, despite their critical condition at the time of capture, most of the prisoners of war were taken to special hospitals and camps and, ultimately, evacuated from Stalingrad, in the ruins of which it was almost impossible to accommodate sick and weakened prisoners. Employees and military personnel of the NKVD bodies and troops took all possible measures to alleviate the fate of the enemy prisoners of war captured after the Battle of Stalingrad.

Список литературы

Адам В. Трудное решение: мемуары полковника 6-ой германской армии / перевод с немецкого Н.М. Гнединой, М.П. Соколова. Москва: Прогресс, 1967. 495 с.

Варавин Н.А. Войска НКВД в Сталинградской битве // Ветеран МВД России. 2017. № 2. С. 37–39.

Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 гг. / составители М.М. Загорулько и др. Волгоград: Издатель, 2003. 1160 с.

Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46.

Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград: Издательство ВА МВД РФ, 2007. 420 с.

Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., Степанова М.М. История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 144–150.

Загорулько М.М. Военнопленные в Сталинграде. 1943–1945 гг.: к истории вопроса (Материалы к обсуждению). Волгоград: Издательство ВолГУ, 2003. 76 с.

Занн Ф. Сталинградский пленник, 1943–1946 / перевод с немецкого Л. Шварц. Санкт-Петербург: Петербург-XXI век, 1998. 285 с.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. 302 с.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, 1996. 320 с.

Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. Москва: Воениздат, 1979. 380 с.

Кузьминых А.Л. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 77–80.

Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. Т. 24 (13–2). Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955 гг. / составители В.Н. Вартанов и др. Кн. 1. Москва: Терра, 1999. 503 с.

Сидоров С.Г. Лагеря военнопленных на территории Сталинградской области в 1943–1954 гг. // Стрежень: Научный ежегодник / под редакцией М.М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2000. Вып. 1. С. 175–184.

Федоров А.Б., Бредихин А.Л. Вклад войск и органов НКВД СССР в оборону Сталинграда (к 80-летию разгрома немецких войск) // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 5–68.

Цунаева Е.М. Документы Волгоградских архивов о военнопленных в Сталинграде // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы: материалы научно-практической конференции (Волгоград, 20 ноября 2008 г.) / под редакцией Л.И. Будченко. Волгоград: Здоровье и экология, 2008. С. 95–103.

Шретер Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. 1942–1943 / перевод с немецкого А.С. Нечаева. Москва: Центрполиграф, 2008. 315 с.

Dibold H. *Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft*. Berlin: Wünsche, 2004. 307 S.

Fischer K.J. *Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimgekehrten*. Willsbach: Scherer, 1948. 291 S.

Hieronymi G. *Stacheldracht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung*. Düsseldorf: Bärenfeld, 1955. 84 S.

Hilger A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext, 2000. 486 S.

Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Berlin (Ost): SWA-Verlag oJ (um), 1948. 209 S.

Probst J. *Von Stalingrad nach Saratov*. Hagen: Selbstverlag, 1983. 237 S.

Puth T. *Hunger und Heimweh. Erlebnisse aus Soldatenzeit und Kriegsgefangenschaft*. Daun: Selbstverlag, 1988. 351 S.

References

Adam, W. *Trudnoe reshenie: memuary polkovnika 6-oi germanskoi armii* [A difficult decision: memoirs of a colonel of the 6th German Army]. Translated from German by N.M. Gnedina, and M.P. Sokolov. Moscow: Progress, 1967. (In Russian)

Dibold, H. *Arzt in Stalingrad. Passion einer Gefangenschaft*. Berlin: Wünsche, 2004.

Epifanov, A.E. *Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v Stalingrade. 1942–1956 gg.* [History and legal status of Wehrmacht prisoners of war in Stalingrad. 1942–1956]. Volgograd: Izdatel'stvo VA MVD RF, 2007. (In Russian)

Epifanov, A.E., E.E. Krasnozhenova, and M.M. Stepanova. “Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v period Stalingradskoi bitvy” [History and legal status of Wehrmacht prisoners of war during the Battle of Stalingrad]. *Voprosy istorii*, no. 12 (3) (2019): 144–50. (In Russian)

Fedorov, A.B., and A.L. Bredikhin. “Vklad voisk i organov NKVD SSSR v oboronu Stalingrada (k 80-letiyu razgroma nemetskikh voisk)” [Contribution of the troops and organs of the NKVD of the USSR to the defense of Stalingrad (to the 80th anniversary of the defeat of the German troops)]. *Nauchnyi komponent*, no. 4 (16) (2022): 5–68. (In Russian)

Fischer, K.J. *Der Gefangene von Stalingrad. Bericht eines Heimkehrten*. Willsbach: Schererverlag, 1948.

Galitskii, V.P. “Vrazheskie voennoplennye v SSSR (1941–1945 gg.)” [Enemy prisoners of war in the USSR (1941–1945)]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1990): 39–46. (In Russian)

Hieronymi, G. *Stacheldraht, Hunger, Heimweh. Eine Erinnerung*. Düsseldorf: Bärenfeld, 1955.

Hilger, A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext, 2000.

Karner, S. *Arhipelag GUPVI. Plen i internirovanie v Sovetskom Soyuze. 1941–1956* [The GUPVI archipelago. Captivity and internment in the Soviet Union. 1941–1956]. Translated from German by O. Aspisova. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2002. (In Russian)

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty* [Fate of German prisoners of war in the USSR: diplomatic, legal and political aspects of the problem. Essays and documents]. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov, 1996. (In Russian)

Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Berlin (Ost): SWA-Verlag oJ (um), 1948.

Krylov, N.I. *Stalingradskii rubezh* [The Stalingrad line]. Moscow: Voenizdat, 1979. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Mezhdunarodnoe pravo i ‘uzniki voiny’: problema pravovoi zashchity voennoplennykh i internirovannykh lits” [International law and prisoners of war: the problem of legal protection of prisoners of war and internees]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 4 (20) (2012): 77–80. (In Russian)

Probst, J. *Von Stalingrad nach Saratov*. Hagen: Selbstverlag, 1983.

Puth, T. *Hunger und Heimweh. Erlebnisse aus Soldatenzeit und Kriegsgefangenschaft*. Daun: Selbstverlag, 1988.

Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Nemetskie voennoplennye v SSSR. Dokumenty i materialy. 1941–1945 gg. [Russian archive: The Great Patriotic War. German prisoners of war in the USSR. Documents and materials. 1941–1945]. Vol. 24 (13–2), *Nemetskie voennoplennye v SSSR 1941–1955 gg.* [German prisoners of war in the USSR 1941–1955]. Compiled by V.N. Vartanov et al. Bk. 1. Moscow: Terra, 1999. (In Russian)

Sapp, F. *Stalingradskii plennik, 1943–1946* [Captured in Stalingrad, 1943–1946]. Translated from German by L. Shvarts. St Petersburg: Peterburg-XXI vek, 1998. (In Russian)

Schröter, H. *Stalingrad. Velikaya bitva glazami voennogo korrespondenta. 1942–1943* [Stalingrad. The great battle through the eyes of a war correspondent. 1942–1943]. Translated from German by A.S. Nechaev. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. (In Russian)

Sidorov, S.G. “Lagerya voennoplennykh na territorii Stalingradskoi oblasti v 1943–1954 gg.” [Prisoner-of-war camps in the territory of Stalingrad Oblast in 1943–1954]. In *Strezhen': Nauchnyi*

ezhegodnik [Strezhen: a scholarly yearbook], vol. 1, edited by M.M. Zagorul'ko, 175–84. Volgograd: Izdatel', 2000. (In Russian)

Tsunaeva, E.M. “Dokumenty Volgogradskikh arkhivov o voennoplennykh v Stalingrade” [Documents from the Volgograd archives about prisoners of war in Stalingrad]. In *Arkhivnoe delo Volgogradskoi oblasti 1923–2008: itogi, dostizheniya, perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Volgograd, 20 noyabrya 2008 g.)* [Archival studies of Volgograd Oblast 1923–2008: results, achievements, prospects: materials of the scientific and practical conference (Volgograd, November 20, 2008)], edited by L.I. Budchenko, 95–103. Volgograd: Zdorov'e i ekologiya, 2008. (In Russian)

Varavin, N.A. “Voiska NKVD v Stalingradskoi bitve” [NKVD troops in the Battle of Stalingrad]. *Veteran MVD Rossii*, no. 2 (2017): 37–39. (In Russian)

Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956 gg. Dokumenty i materialy [Prisoners of War in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. 4 vols. Vol. 2, *Voennoplennyye v Stalingrade. 1943–1954 gg.* [Prisoners of war in Stalingrad. 1943–1954]. Compiled by M.M. Zagorul'ko et al. Volgograd: Izdatel', 2003. (In Russian)

Zagorul'ko, M.M. *Voennoplennyye v Stalingrade. 1943–1945 gg.: k istorii voprosa (Materialy k obsuzhdeniyu)* [Prisoners of war in Stalingrad. 1943–1945: on the history of the issue (materials for discussion)]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2003. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>, mvd_djaty@mail.ru, Государственный университет управления (д. 99, пр-т Рязанский, 109542 Москва, Россия); профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (д. 80, корп. Г., пр-т Ленинградский, 125315 Москва, Россия).

Information about the author

Aleksandr E. Epifanov – Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>, mvd_djaty@mail.ru, State University of Management (99, pr. Ryazanskii, 109542, Moscow, Russia); Professor of the Department of Fundamental Legal and Social and Humanitarian Disciplines, Moscow University of Industry and Finance “Synergy” (80, korp. G, pr. Leningradskii, 125315 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 25.09.2023.